

ПРОЯВЛЕНИЕ «ЗНАЕМЫХ» МОТИВОВ НАРКОТИЗАЦИИ У СТУДЕНТОВ С УЧЕТОМ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ ПРИЗНАКОВ*

*И.В. АКСЮЧИЦ, старший преподаватель кафедры возрастной
и педагогической психологии Белорусского государственного
педагогического университета им. М. Танка ©*

В статье излагаются результаты исследования «знаемых» мотивов наркотизации в студенческой среде с учетом половозрастных признаков. Теоретический анализ мотивации употребления наркотиков студентами в исследовании базируется на фундаментальных отечественных концепциях. Для сравнения показателей приведены данные факторного анализа мотивов аддиктивного поведения, полученные психологами Великобритании (S. Haylett, G. Stephenson, R. Lefever), которые подтверждают важность установления иерархии мотивов наркотизации. Предлагаемая структура дифференцированно определяет мотивационные цели или причины аддиктивного поведения, позволяет диагностировать отсутствие либо зависимость индивида от наркотических веществ на основе проявления динамического компонента каждого мотива. Исследованием в мотивационной сфере студентов выявлены «знаемые», не актуализированные мотивы наркотизации. Однако результаты факторного анализа показывают, что у студентов сформированы устойчивые «знания» о наркотиках, которые «предлагаются» молодежной субкультурой как способ получения удовольствия и адаптации в современном меняющемся мире.

Ключевые слова: структура или иерархия мотивов употребления наркотиков, «знаемые» мотивы наркотизации, половозрастные различия в проявлении мотивов у студентов

Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 годы и Государственная программа национальных действий по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма на 2006–2010 годы выдвигают задачи воспитания здорового образа жизни как основы здоровья нации. Реализация мер по созданию мотивации населения к сохранению и укреплению здоровья является для государства важнейшей социальной проблемой.

Изучение мотивации употребления наркотиков юношами и девушками отвечает приоритетным направлениям данных программ. Исследование мотивов наркотизации студентов проведено нами по заданию Брестского облисполкома в соответствии с областной комплексной программой противодействия злоупотреблению наркотиками. Исследованы десять факультетов БрГПУ им. А.С. Пушкина. Объем выборки составляет 1000 студентов в возрасте от 17 до 22 лет, из них 575 девушек и 425 юношей.

Теоретическое представление о мотивации употребления наркотиков студентами в исследовании базируется на общепсихологической теории деятельности А. Леонтьева, теории

аномального развития личности Б. Зейгарник и Б. Братуся, теории В. Завьялова о трехфакторной структуре детерминации аддиктивного поведения. Согласно А. Леонтьеву, мотив – «это объективное, что побуждает и направляет деятельность, отвечая той или иной потребности, конкретизируя потребность или, естественно, удовлетворяя потребности» [1, с. 432].

Руководствуясь положением А. Леонтьева о «предметности» мотива, полагаем, что наркотик для индивида является внешним «побуждающим объектом» или мотивом. Созданная А. Леонтьевым модель мотивационной сферы личности является, по нашему мнению, приемлемой для изучения строения мотивационной сферы наркоманов. Однако и у студентов *мотивы наркотизации в мотивационной сфере могут присутствовать на уровне «знаемых» мотивов* и являться «знанием о наркотизации других». И здесь исходим из утверждения А. Леонтьева: «Знание субъектом этого существующего (мир, бытие) всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет очень важную роль в формировании мотивов. На известном уровне развития мотивы сначала выступают, как только

* Статья поступила в редакцию 21 января 2008 года.

«*знаемые*», как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать» [2, с. 210].

На возможность присутствия в мотивационной сфере студентов не актуализированных «*знаемых*» мотивов наркотизации указывают зарубежные специалисты в области психологии мотивации. К. Левин в «теории поля», Э. Толмен в понимании «ожидаемой ценности, когнитивного предвосхищения при выборе», Р. Халл в теории о «влечении и привлекательности» объекта, А. Бандура в понятии «латентное научение» — все они считают, что побуждение к действию (мотив) включает *содержательный* и *динамический* компоненты [3, с. 222–261]. Основываясь на данных концептуальных положениях, полагаем, что *содержательная* часть мотива присутствует как у наркомана, так и у студента. Однако определяющим в действительном побуждении к употреблению наркотиков является сила мотива, т.е. его динамический компонент.

Следовательно, у студентов «*знаемые*» мотивы наркотизации «реально еще не побуждают никаких действий», однако их выявление позволит превентивно воздействовать на процессы латентной наркомании в молодежной среде, а также формировать у юношей и девушек здоровый образ жизни.

С помощью авторской методики «Мотивы употребления наркотиков» (МУН) у всей выборки студентов, девушек и юношей установлена сходная иерархия «*знаемых*» мотивов наркотизации: 1) гедонистические, 2) абстинентные, 3) атактические, 4) аддиктивные, 5) гиперактивации, 6) субмиссивные, 7) самоповреждения или аутоагрессии, 8) псевдокультурные, 9) традиционные. Интерпретация, половозрастные различия проявления первых пяти мотивов, а также конструирование и валидизация методики МУН опубликованы ранее [4; 5]. Ниже представлен теоретический анализ проявления в мотивационной сфере студентов с учетом пола и возраста оставшихся четырех «*знаемых*» мотивов наркотизации: субмиссивных, самоповреждения, псевдокультурных, традиционных.

Субмиссивные «*знаемые*» мотивы употребления наркотиков (англ. submission — подчинение) отражают потребности индивида в подчинении другим или доминировании, подчинении давлению референтной группы, а также потребности в общении и конформизме (рис. 1). Исследование показывает, что студенты считают приемлемым употребление наркотиков в компаниях, чтобы отказом не испортить отношения с друзьями, а иногда и в результате насилия приятелей.

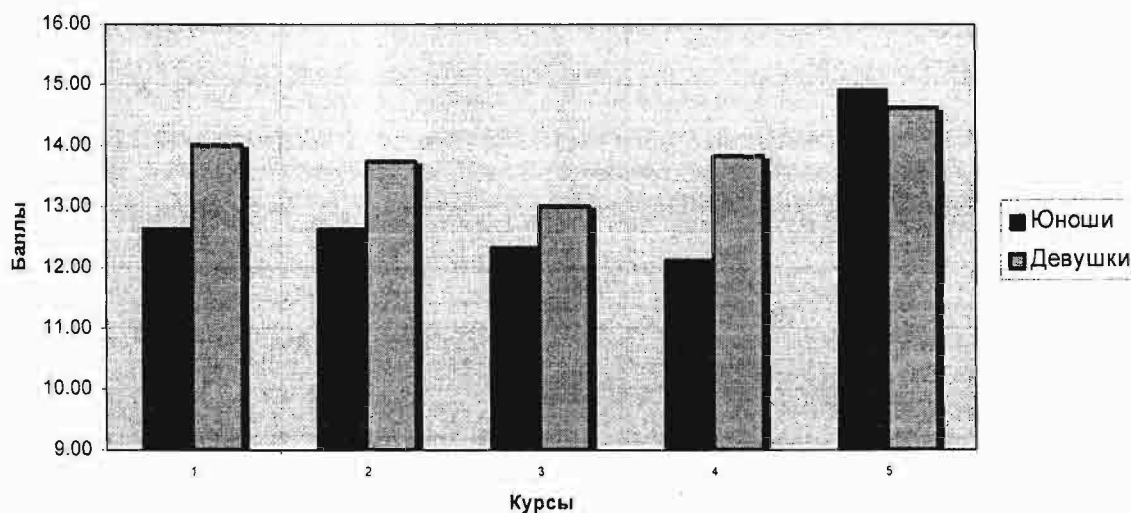

Рисунок 1 — Половозрастные различия в проявлении «*знаемых*» субмиссивных мотивов употребления наркотиков у студентов

На наш взгляд, возможность употребления наркотиков в компании обусловлена проявлением в юношеском возрасте реакций группирования, хобби, имитации, компенсации. А. Личко и В. Битенским, изучающих молодежную наркоманию, доказана взаимосвязь реакции

группирования с аддиктивным поведением подростков. Существует так называемый «этап групповой психической зависимости, когда потребность в употреблении наркотика возникает немедленно, как только собирается «своя» компания. За пределами этой компании влечения

еще не возникает, так как индивидуальная психическая зависимость как первый признак еще отсутствует» [6, с. 37].

Известен особый вид хобби, информативно-коммуникативный, когда девушки и юноши свободное время используют для общения со сверстниками, но при этом злоупотребляют алкоголем и нарковеществами. Реакция хобби у юношей, интересующихся восточной философией и религией, иногда проявляется употреблением гашиша или ЛСД [7].

Возможно, наличие субмиссивных мотивов наркотизации обусловлено личностными реакциями имитации и компенсации, которые описывает В. Кондрашенко [7]. Реакция имитации свидетельствует о потребности в юношеском возрасте к подражанию авторитетам, даже если у них – аддиктивное поведение. Реакция компенсации обнаруживает потребность личности в подчинении группе, где наркотик становится средством защиты от ощущения собственной неполноценности и способом восстановления собственной значимости.

Половые различия в проявлении субмиссивных мотивов употребления наркотиков существуют на первом, втором и четвертом курсах, где у девушек мотивы выражены сильнее, чем у юношей. Причиной, возможно, является информативно-коммуникативное хобби, которое у девушек выражено сильнее, что подтверждает статистика употребления ими стимуляторов [8]. Может быть, превалирование

субмиссивных мотивов наркотизации у девушек по сравнению с юношами обусловлено исторически сложившимся подчинением женщины нормам референтной группы, а также стремлением избегать проблем во взаимоотношениях с другими [9].

Возрастные различия в проявлении субмиссивных мотивов употребления наркотиков имеются у юношей. Присутствует тенденция их увеличения от третьего к пятому курсу. Скорее всего, это связано с усилением реакции эмансипации, когда укрепление внутреннего «Я» юноши ориентируется на групповые ценности, формирующие жизненные и профессиональные устремления. У девушек возрастных различий в проявлении субмиссивных мотивов не наблюдается, что связано с развитой потребностью в подчинении другим (другим) в процессе коммуникации [9].

«Знаемые» мотивы самоповреждения или аутоагрессии употребления наркотиков (рис. 2). Несмотря на то, что общество рассматривает употребление наркотиков как серьезную опасность для жизнедеятельности личности, многие студенты полагают, что наркотики можно употреблять из-за духа противоречия обществу, нежелания быть таким, как все, и тем самым досаждают окружающим. Юноши и девушки считают, что употребление наркотиков другими вызвано утратой смысла трезвой жизни, потерей перспективы будущего.

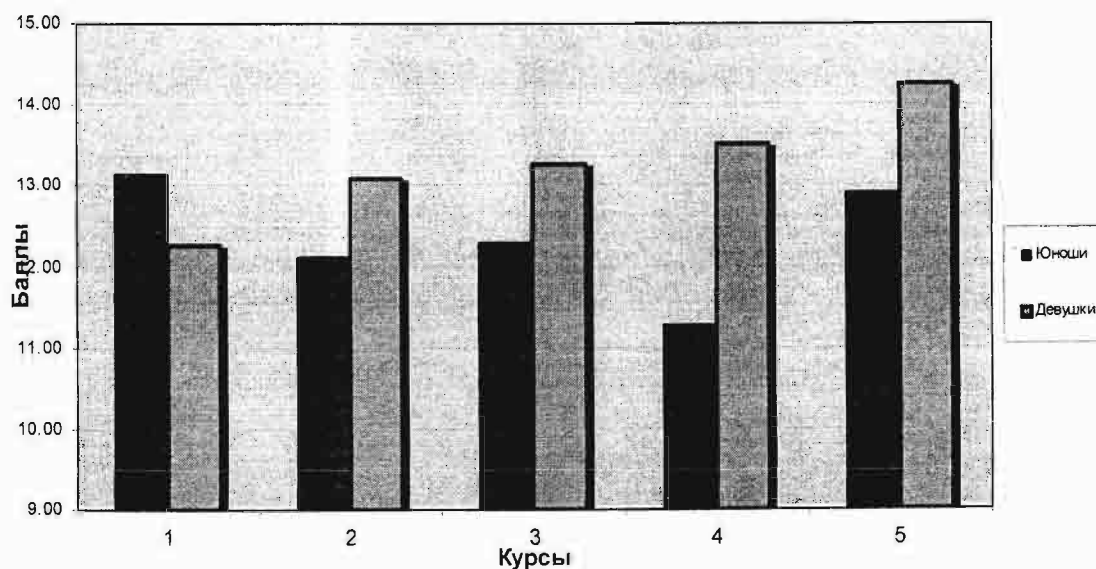

Рисунок 2 – Половозрастные различия в проявлении «знаемых» мотивов самоповреждения употребления наркотиков у студентов

Самоповреждение или аутоагрессию в психоанализе связывают с проявлением «мортидо» или бессознательной потребности личности в саморазрушении или смерти. Отсутствие смысла жизни В. Франкл характеризует как проявление потребности личности в самоповреждении. Он описывает личность, «теряющую смысл жизни, как конформную, агрессивную, безответственную, с подавленным голосом совести, постоянным ощущением экзистенциального вакуума, внутренней пустоты, скуки, апатии, отчаяния, однако с жадной остротой ощущений, гипертрофированной тягой к наслаждениям, стремлением к счастью» [10, с. 313]. Такое состояние называется «ноогенным неврозом» и обнаруживается у молодых людей с аддиктивным поведением. Возможно, проявление у студентов «знаемых» аутоагрессивных мотивов наркотизации обуславливается их оппозицией миру взрослых, а также тревогой, связанной с усиленным вниманием молодых людей к своему физическому и внутреннему миру.

Половые различия в проявлении мотивов самоповреждения употребления наркотиков обнаруживаются на втором и четвертом курсах. Причем, у девушек сила мотивов на всех курсах, кроме первого, выше, чем у юношей. Наличие у девушек депрессивных признаков можно объяснить проблемой личностной идентификации. Возможно, у девушек к четвертому курсу возрастает тревожность и на ее основе депрессия в связи с необходимостью самоопределения и планирования будущей

жизни. Может быть, аутоагрессия девушек объясняется гендерными причинами [9].

Возрастные различия в проявлении мотивов самоповреждения употребления наркотиков у девушек характеризуется их увеличением от первого к пятому курсу. Вероятно, стремление к употреблению наркотиков у девушек возрастает из-за неясных перспектив личностного и профессионального будущего, особенно в условиях конкуренции и дифференциации в обществе. У юношей, наоборот, наблюдается снижение силы мотивов самоповреждения от первого курса к четвертому. По-видимому, с возрастом оппозиция юношей ценностям и нормам взрослых в форме аутоагрессии сменяется актуальными для выпускников потребностями в профессиональном и личностном самовыражении.

Псевдокультурные «знаемые» мотивы употребления наркотиков (рис. 3). Исследованием установлено, что студенты считают употребление наркотических веществ личным делом каждого человека, потому что наркотики, по их мнению, являются способом самовыражения. Оказывается, молодые люди уравнивают по степени опасности табак, алкоголь и наркотики. Они утверждают, что модно употреблять наркотики. Наличие «знаемых» псевдокультурных мотивов в мотивационной сфере студентов свидетельствует о стремлении девушек и юношей приспособиться к наркоманическим ценностям, существующим в молодежной субкультуре.

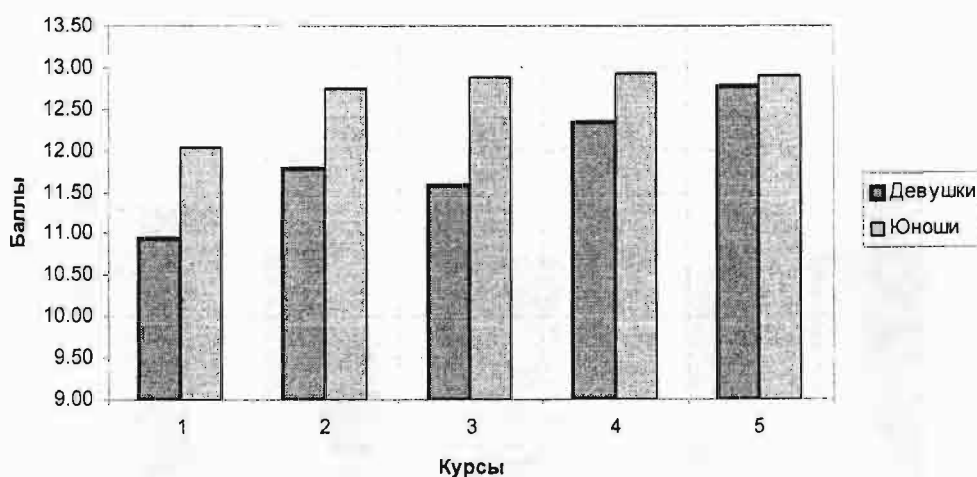

Рисунок 3 – Половозрастные различия в проявлении «знаемых» псевдокультурных мотивов употребления наркотиков у студентов

Наркотики сегодня становятся антисоциальным компонентом молодежной субкультуры. Типология молодежных организаций включает:

«романтико-эскапистские (хиппи, индианисты, толкиенисты, байкеры), гедонистическо-развлекательные (мажоры, металлисты, рэйверы, рэперы),

криминальные («гопники», «люберы»), анархонигилистические (панки, экстремисты) группировки» [11, с. 25]. У большинства неформалов, например, панков, металлистов, рэперов, наркотики являются значимым атрибутом и своеобразным протестом против взрослой культуры. Конечно, наркоманические ценности молодежной субкультуры известны и привлекательны в студенческой среде как части популяции. Однако не все молодежные неформальные объединения положительно относятся к употреблению наркотических веществ. Рокеры и скинхеды абсолютно не употребляют наркотики и алкоголь. У мажоров наркотики тоже несовместимы с культивируемым образом эlegantного, энергичного, уверенного в себе делового человека [6; 7; 11]. Полагаем, функционирование студенческих организаций по типу БРСМ позволит сформировать у юношей и девушек здоровый образ жизни в процессе их обучения в вузе.

Половые различия в проявлении псевдокультурных мотивов употребления наркотиков обнаруживаются между девушками и юношами на первом, втором, третьем курсах, причем по силе они преобладают у юношей. Интересным объяснением преобладания мотивов у юношей может быть «реакция протеста или оппозиции», когда причиной девиантного поведения является протест молодежной субкультуры правилам и образу жизни родителей [7; 8]. Кроме того, переоценка ценностей в юношеском возрасте связана с увеличением потребностей в переживании риска как формы эмоционально насыщенного переживания [6], поэтому зачастую риск и групповой протест реализуются в употреблении наркотиков и правонарушениях именно юношей.

Возрастные различия в проявлении псевдокультурных мотивов употребления наркотиков имеются у девушек. Усиление у них мотивов от первого курса к пятому связано, по-видимому, с идентификационными конфликтами. Д. Марсиа на основе критерия прохождения девушкой (юношей) через кризис принятия самостоятельных решений выделяет различные статусы идентичности личности. Согласно Д. Марсиа, девушки находятся в «статусе предрешенности», когда руководствуются мнением родителей, не принимая самостоятельных решений. В «статусе диффузии» пребывают девушки, не имеющие морального кодекса поведения и моделей женской роли. Поэтому они часто группируются с теми, кто живет сиюминутными удовольствиями, употребляет алкоголь и наркотики [12].

Традиционные «знаемые» мотивы употребления наркотиков (рис. 4). Исследование показывает, что студенты считают приемлемым употребление наркотиков на дискотеках, по праздникам, в выходные дни для стимуляции и усиления чувства радости, а также по случаю встречи с друзьями, поскольку наркотики позволяют избавиться от скуки и безделья. Преградой для употребления психоактивных веществ, по мнению студентов, является отсутствие денег. Скорее всего, «знаемые» традиционные мотивы наркотизации у студентов обнаруживают доступность наркотиков для молодежи на дискотеках, в общежитиях и других местах досуга. Данные факты изобличают не только международный наркобизнес, но и несогласованность в противодействии ему правоохранительных, медицинских, психолого-педагогических действий в форме профилактики наркомании в молодежной среде.

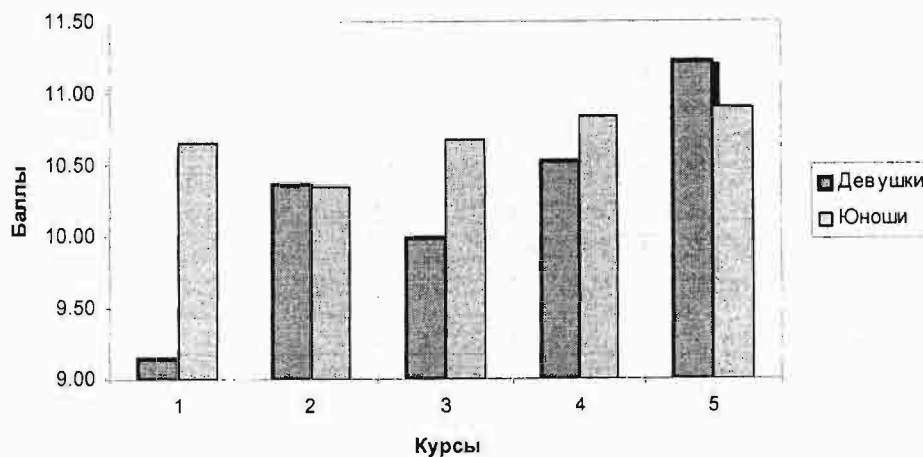

Рисунок 4 – Половозрастные различия в проявлении «знаемых» традиционных мотивов употребления наркотиков у студентов

Половые различия в проявлении традиционных мотивов употребления наркотиков выявлены на первом курсе, где у юношей мотивы преобладают. Причиной этого может быть адаптация юношей-первокурсников к учебному процессу, реакция группирования со сверстниками в группе, где устанавливаются новые нормы поведения и традиции.

Возрастные различия в проявлении традиционных мотивов употребления наркотиков у юношей не имеются, хотя показатели у них больше, чем у девушек. Причина, вероятно, в том, что юноши вне зависимости от возраста всегда стремятся приспособиться к традициям группы и окружения, даже аддиктивным. Так, В. Собкин, З. Абросимова и другие, занимающиеся изучением мотивов девиации в *подростковой* субкультуре, отмечают, что «в современной социокультурной ситуации курение и употребление алкоголя в принципе уже не оценивается ближайшим окружением как девиация» [13]. Установлено, что у девушек от первого курса к пятому увеличивается сила «знаемых» традиционных мотивов. Скорее всего, это обусловлено динамикой развития учебной группы и коммуникативно-информационным хобби, возможно, из-за актуализации реакции группирования [7; 9].

Таким образом, половозрастные различия в проявлении «знаемых» мотивов наркотизации у студентов можно представить тремя тенденциями: увеличением, уменьшением и переменным проявлением силы мотивов. У студентов (без учета пола) присутствует тенденция увеличения с возрастом силы мотивов *традиционных, псевдокультурных*. Тенденция изменяющегося или неустойчивого проявления силы характерна для мотивов *субмиссивных, самоповреждения*, причем увеличение силы данных мотивов у студентов приходится на первый, третий и пятый курсы. У юношей с возрастом проявляются: 1) тенденция увеличения силы *субмиссивных* мотивов и 2) тенденция уменьшения силы мотивов *самоповреждения*. У девушек наличествует только тенденция усиления с возрастом мотивов *традиционных, псевдокультурных, самоповреждения*.

Для дефиниции причин возникновения «знаемых» мотивов наркотизации и закономерностей их взаимосвязи в мотивационной сфере студентов, проведен факторный анализ. В результате у всей выборки студентов выявлены три фактора, определяющие 67% полной

дисперсии. Относительно высокая суммарная общность факторов позволяет их содержательно интерпретировать. Наибольший вклад в суммарную общность дисперсии у всей выборки студентов дает первый фактор – 30%, затем второй фактор – 19%, а третий фактор вносит 18%.

В первый фактор у всех студентов с положительными значимыми весами вошли мотивы: абстинентные (0,78), гиперактивации (0,75), гедонистические (0,73), атарактические (0,71) и аддиктивные (0,64). Фактор показывает, что студенты полагают возможным употребление наркотиков для отмены абстинентного синдрома, стимуляции, получения удовольствия, успокоения, для изменения своего психического состояния. На этом основании фактору дано наименование: «*гедонистический*».

Во второй фактор всей выборки студентов вошли с положительными значимыми весами субмиссивные мотивы (0,82) и мотивы самоповреждения (0,82). У юношей во второй фактор с положительными значимыми весами вошли эти же мотивы: субмиссивные (0,83) и самоповреждения (0,83). Фактор констатирует, что студенты предполагают возможным употребление наркотиков в целях доминирования или подчинения себе других, подчинения референтной группе или авторитетному лицу, из-за потери смысла трезвой жизни. Данная интерпретация позволяет назвать его «*субмиссивным*» фактором.

В третий фактор в выборке студентов, а также у юношей вошли с положительными значимыми весами псевдокультурные мотивы (0,88) и традиционные (0,77). Третий фактор показывает, что студенты полагают возможным употребление наркотиков, чтобы соответствовать моде, демонстрируемой молодежной субкультурой. Исходя из интерпретации, фактор назван «*субкультуральным*».

У девушек факторный анализ результатов исследования определяет вторым фактором «субкультуральный», куда с положительными значимыми весами вошли псевдокультурные мотивы (0,88) и мотивы традиционные (0,75), а третьим фактором – «субмиссивный», где положительно значимый вес имеют мотивы самоповреждения (0,81) и субмиссивные мотивы (0,79). Интересным является тот факт, что у девушек и юношей факторы «субмиссивный» и «субкультуральный» меняются позициями. По-видимому, юношам более свойственны

реакции доминирования, группирования и оппозиции, девушки же больше стремятся быть модными, то есть соответствовать популяции, поэтому у них «субкультуральный» фактор имеет больший значимый вес, чем «субмиссивный».

Таким образом, факторным анализом установлены три фактора («гедонистический», «субмиссивный» и «субкультуральный»), определяющие причины присутствия «знаемых» мотивов наркотизации в мотивационной сфере студентов.

Значимо, что полученные результаты подтверждают S. Haylett, G. Stephenson, R. Lefever [14]. Ими проведено исследование мотивации аддиктивных поведений на выборке из 543 человек от 14 до 79 лет, включающей 285 мужчин, 258 женщин. Применением методов корреляции, факторного и кластерного анализа психологами обнаружена согласованная иерархическая структура мотивов, определяющая две значимые ориентации в употреблении психоактивных веществ. Первая ориентация (фактор) определяет целью употребления наркотиков получение удовольствия или поиск острых ощущений и называется *гедонистической* (hedonistic). Вторая ориентация, или фактор, показывает, что целью является *забота и внимание по отношению к кому-либо* (nurturance).

Сравним полученные показатели с результатами зарубежного исследования, авторами которого являются S. Haylett, G. Stephenson, R. Lefever. Факторный вес (или нагрузки компонентов гедонистического фактора для женщин) являются следующими: 1) наркотики для восстановления сил и развлечения (recreational drugs) (0,75); 2) прием наркотиков по рекомендации других (prescription drugs) (0,72); 3) употребление никотина (0,56); 4) алкоголь (0,49). В выборе мужчин поиск острых ощущений (гедонистический фактор) дает весовые нагрузки компонентов: 1) употребление наркотиков по рекомендации других (0,70); 2) наркотики для восстановления сил и развлечения (0,69); 3) употребление никотина (0,56). Весовые нагрузки компонентов фактора «заботы и внимания по отношению к кому-либо» для мужчин: 1) подчинение другим (compulsive helping submissive) (0,71); 2) подчинение других или доминирование (compulsive helping dominant) (0,57); 3) употребление алкоголя

(0,47). Эквивалентный фактор для женщин (забота и внимание по отношению к кому-либо) проявляется компонентами: 1) подчинение другим (0,85); 2) подчинение других или доминирование (0,60) [14].

Заметим, что в нашем исследовании фактор, включающий мотивы подчинения, называется «субмиссивным». Фактор «гедонистический» в обоих исследованиях содержит сходные мотивы и совпадает по названию. Представленные иерархии дифференцированно определяют мотивационные цели или причины аддиктивного поведения.

Подводя итоги, обратим внимание, во-первых, на сходство проявленных факторов, во-вторых, на выделение структур или иерархий мотивов в исследованиях, которые проведены примерно в одно время [14; 15]. Результаты, полученные S. Haylett, G. Stephenson, R. Lefever, свидетельствуют о схожих проблемах наркотизации в молодежной среде и подтверждают важность установления иерархии, или квалификации, мотивов употребления наркотиков в мотивационной сфере студентов.

Предлагаемая нами структура, или иерархия мотивов наркотизации, позволяет интерпретировать *модель со-происхождения (согласованности) наркоманических аддикций*. Положительные корреляции между различными мотивами наркотизации в иерархии показывают, что взятые в отдельности аддикции (например, гашишная наркомания и кокаиномания) являются разнообразными средствами достижения одинаковых мотивационных целей.

Немаловажно, что иерархия мотивов наркотизации позволяет диагностировать отсутствие либо зависимость индивида от нарковеществ на основе проявления динамического компонента. Так, исследованием в мотивационной сфере студентов выявлены «знаемые», не актуализированные мотивы наркотизации. Однако обнаружены половозрастные различия в их проявлении, которые представляются тремя тенденциями: увеличением, уменьшением и непостоянством силы мотивов. Результаты факторного анализа свидетельствуют о сформированности у студентов устойчивых «знаний» о наркотиках, которые, к сожалению, «предлагаются» молодежной субкультурой как способы получения удовольствия и адаптации в современном меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев, А.Н. Лекции по общей психологии / А.Н. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
3. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб.: Питер, 2003. – 860 с.
4. Аксюциц, И.В. Методика изучения мотивов употребления наркотиков / И.В. Аксюциц // Психологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 52–59.
5. Аксюциц, И.В. Структура мотивов, определяющих склонность студентов к употреблению наркотиков / И.В. Аксюциц // Психология в вузе. – 2007. – № 2. – С. 63–77.
6. Личко, А.Е. Подростковая наркология: Рук. для врачей / А.Е. Личко, В.С. Битенский. – Л.: Медицина: Ленингр. отд-ние, 1991. – 301 с.
7. Кондрашенко, В.Т. Девиантное поведение у подростков: Соц.-психол. и психиатр. аспекты / В.Т. Кондрашенко. – Минск: Беларусь, 1988. – 206 с.
8. Бемова, С.О. Наркотизм в студенческой среде как социальная проблема российского общества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук: 22.00.04 / С.О. Бемова [Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан]. – Казань, 2007. – 21 с.
9. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: Прайм-еврознак: Нева, 2001. – 318 с.
10. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
11. Рожков, М.И., Профилактика наркомании у подростков: Учеб.-метод. пособие / М.И. Рожков, М.А. Ковальчук. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 144 с.
12. Крайг, Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2000. – 987 с.
13. Собкин, В.С. Проявления девиации в подростковой субкультуре / В.С. Собкин, З.Б. Абросимова, Д.В. Адамчук, Е.В. Баранова // Вопросы психологии. 2004. – № 3. – С. 3 – 18.
14. Haylett S. Covariation in addictive behaviours: a study of addictive orientations using the Shorter PROMIS Questionnaire / S. Haylett, G. Stephenson, R. Lefever // Addictive Behaviours. – 2004. – № 29. – С. 61–71.
15. Аксюциц, И.В. Психологические проблемы наркозависимости [Текст]: монография / И.В. Аксюциц; Брест. гос. ун-т; науч. ред. Е.И. Медведская. – Брест: Изд-во БрГУ, 2004. – 127 с.